

Сладкий крест Леонида Броневового

Известному артисту исполнилось 70 лет *Известия. — 1998 г. 17 дек. с. 7*

Леонид Броневый шел к славе долго. Сначала он сумел состояться в периферийном театре, путешествовал из Керчи в Вологду, а затем оказался в Москве, стал знаменит, сыграв фольклорного группенфюрера Мюллера... О его скитаниях по русской глубинке нынче мало кто помнит.

— У вас за плечами большая периферийная одиссея...

— Я закончил два института: ташкентский ГИТИС и Школу-студию имени Немировича-Данченко при МХАТе. Много ездил по провинции, тридцать шесть лет работаю в Москве.

— Что провинция дает артисту?

— Провинциальный спектакль не может пройти больше пятидесяти раз, в год приходится делать пять — десять постановок. В Москве — от одной до трех. В провинции ты набиваешь руку в своем ремесле (и оно вполне может быть высоким). К тому же провинция учит выживанию.

Я объездил пол-России, и всюду было очень тяжело. Старые актеры, у которых были маленькие земельные участки, где можно выращивать картошку на зиму, хотя бы не голодали. Молодые артисты падали в голодные обмороки, удерживались в профессии за счет молодости и любви к театру. В пятидесятые я работал в Чечено-Ингушетии, в Театре имени Лермонтова. Там было тепло — и это хоть как-то компенсировало то, что нам не платили зарплату. Не так давно я успокоил шахтеров: не волнуйтесь, не кричите, дорогие, у нашего государства большой опыт невыплаты зарплат. Я не получал ее уже в 1956 году: в аванс мне давали трешку, и я шел на рынок продавать вещи, а вечером играл молодого Сталина. Вы хотя бы можете выйти на площадь и закричать, а сорок с лишним лет назад нельзя было и этого...

— Как же вы выжили? Ведь периферийные театры это кладбище актерских судеб...

— И сам не знаю. Я начал в Магнитогорске: на заводе был один-единственный кружок, в театре — несколько десятков актеров, желавших им руководить. Я отбил у коллег хлеб. В придачу к драмкружку я организовал хор, и сам аккомпанировал ему на аккордеоне. Мы даже получили приз на конкурсе... Так я и держался.

Магнитогорск, Оренбург, студия Художественного театра... В Оренбурге меня представляли к званию заслуженного — редкая вещь для беспартийного человека и сына врага народа! А я все бросил, уехал в школу-студию, и один старый актер сравнил меня с младенцем, во второй раз лезущим туда, откуда он только что выбрался. Зачем тебе еще учиться? Получи звание, получи ставку — за то, что ты сыграл молодого Ленина, тебе прибавят рублей восьмидесяти... Но я начал все сначала.

Тогда в Школе-студии все было замечательно: дисциплина

порядок, уважение к делу... А что теперь? Плохие спектакли, плохая сценическая речь. Несколько лет назад меня попросили возглавить экзаменационную комиссию, и на выдаче дипломов я сказал выпускникам студии: «Ребята, вы выбрали ужасную профессию. Она вся построена на бесконечных унижениях. Вам придется спрятать свое самолюбие — иначе вы целиком погрузитесь в обиды. А обижаться в нашем деле нельзя — на обиженных воду возят. Нельзя болеть. Надо быть здоровым, надо быть наглым и в то же время деликатным... Чтобы пройти этот путь, нужно много сил, а вы и говорить-то со сцены не умеете».

— Как же после провинциальных мытарств вам удалось зацепиться за Москву?

— С 1958 по 1962 год я работал в Воронеже, в Театре имени Кольцова. Его возглавлял Фирс Ефимович Шишигин, известный провинциальный режиссер. Он предложил мне взять роль в «Третьей патетической» Погодина. Я попросил у него Ленина, но место уже было занято. А я все равно выучил эту роль и смотрел репетиции, спрятавшись на галерке... И вдруг на прогон приехал второй секретарь обкома Смирнов. Мой соперник замечательно репетировал, а перед вторым секретарем растерялся, сыграл плохо. Смирнов говорит: «У тебя нет второго Ленина в театре?» А я как закричу с галерки: «Есть!»

— Ты можешь сыграть с начала весь первый акт? Что тебе надо для этого?

— Ничего. Вот только кепку дайте.

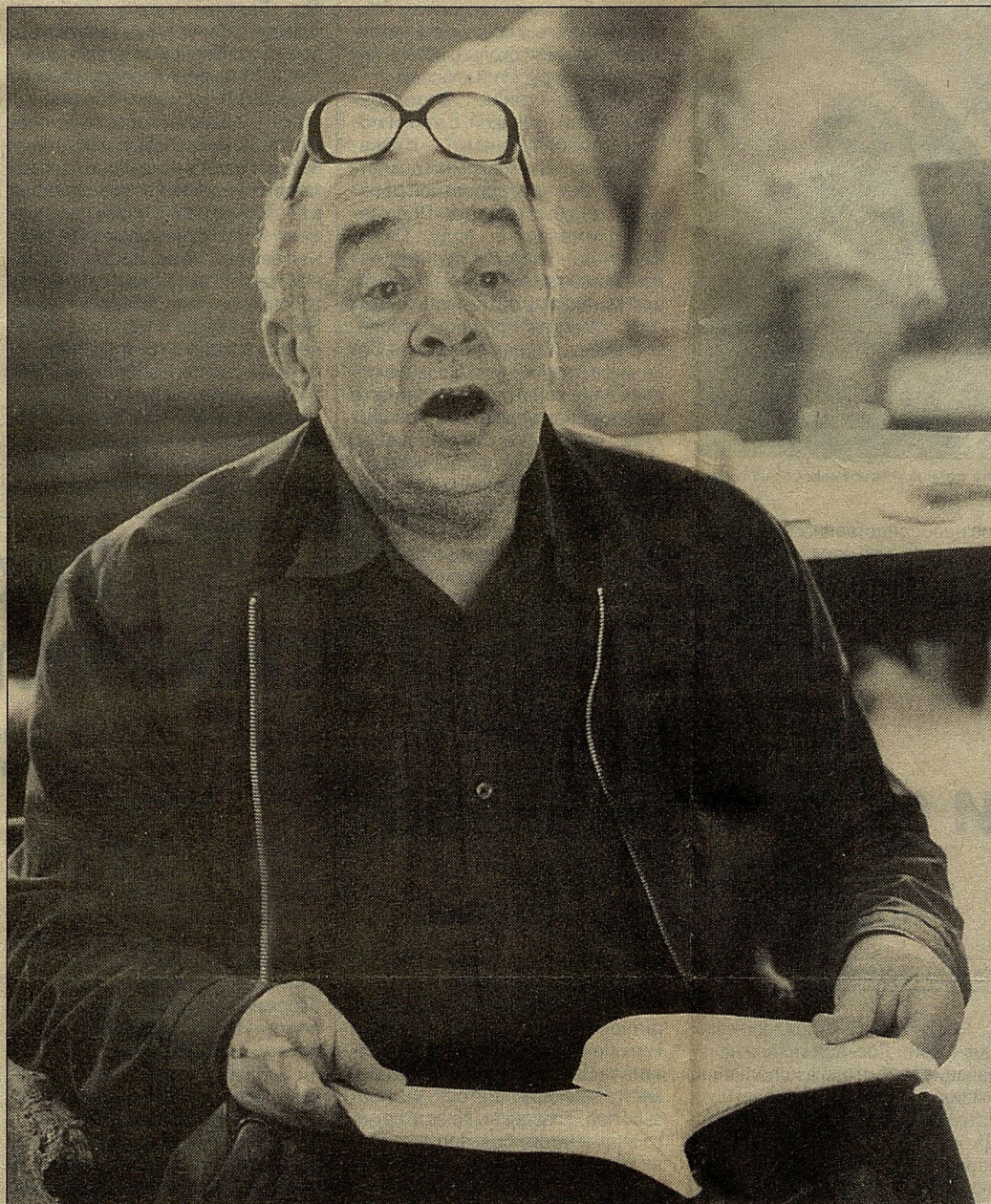
И я так здорово сыграл, что Смирнов сказал: «Вот он пускай и продолжает». Игру премьеру, публика принимает хорошо. Шишигин доволен, в обкоме требуют, чтобы я вступил в партию — беспартийный не может играть Ленина! И вдруг уборщицы кладут в театре красные дорожки, а после первого акта в гримбортную вбегает директор: «Скорее вниз!»

— Не надо орать, я все же Ленина играю. С чего это Ильич побежит?

Но все же зашагал довольно быстро: Ленин-то ведь тоже скоро ходил.

Вхожу в актерскую комнату, а там в дверях стоит весь обком, от первого секретаря до начальника КГБ. А у окна, спиной к ним, небольшой человек в сером костюме: жмет мне руку, говорит: «Ленин всем очень нравится!» Это был секретарь ЦК КПСС Аверкий Борисович Аристов.

На следующее утро меня отвезли в горком партии и дали

АЛЕКСЕЙ БЕЛЯНЧЕВ

ключи от двух квартир — на выбор. С перепугу я выбрал худшую. Ее-то и поменял потом на московскую коммуналку. В Воронеже я приехал с беременной женой: она кончила Вахтанговское училище, ей было двадцать два года. В двадцать семь она умерла от саркомы, оставив мне четырехлетнюю дочку. В Москве жила ее бабушка, мама покойницы. Вот мы и перебрались в столицу: коммунальная квартира с восемнадцатью соседями, двадцатиметровая комната, где жили я, дочка и воспитывавшая ее тетка-калека... И все же я был счастлив. Устроиться в московскую труппу было очень трудно. Но меня все же взяли в театр Пушкина, к Борису Ивановичу Равенских. Дело шло к лету, театр собирался на гастроли, и я попросился вместе с ним.

— Как это мы тебя возьмем, ты же нигде не занят?

— А я поеду в деревню, буду петь песни колхозникам, грамоты вам из села привезу... Куда мне деваться, я же без копейки!

Но они все же уехали без меня, и я остался в Москве без гроша в кармане. Сидел на Тверском бульваре, играл с пенсионерами в домино по двадцать копеек. Если я проигрывал рубль, дома было нечего есть, если выигрывал, пенсионеры на меня обижались — я сразу уходил, унося свой выигрыш, а победитель должен был продолжать... Однажды в нашу коммуналку пришел участковый: «Так! Обманываем государство? Из Москвы должно выехать больше людей, чем в нее въехало, а у вас на одного человека больше!» Я одолжил денег, сводил его в ресторан, выпил с ним водки — так все и обошлось...

Я прошел все на свете — кроме войны. Меня не взяли из-за отца, врага народа.

— Кем был отец?

— Комбригом. Но он работал в НКВД, и там два чина шли за один — его величали комиссаром госбезопасности... Отец получил десятку, отсидел срок полностью — и нисколько не изменил своих убеждений. Таким же идей-

ным был и его старший брат, который носил три ромба и работал заместителем наркома внутренних дел Украины по кадрам.

— Сколько же получил ваш дядя?

— Нисколько. Его убили прямо в кабинете.

Я хорошо жил от рождения до 1937 года, а потом нас с матерью сослали в город Малмыж Кировской области. Десятого июня 1941 года нас отпустили, а двадцать второго началась война, и мы оказались в Казахстане. На фронте было ужасно, но там хоть давали тушенку — а я получал иждивенческие триста граммов хлеба. Пошел работать: трудился в пошивочном цехе кукольного театра, написал кукольную пьесу, сам поставил ее и сам же играл, работал учеником пекаря. Сначала меня поставили в цех черных хлебов, потом — белых; я попросился месить тесто и ушел в чан по пояс, вниз головой. Слава Богу, хоть не утонул... Играл в самодеятельности, работал секретарем-машинисткой (я и сейчас от-

лично печатаю). Хотел выучиться на дипломата или журналиста-международника — нельзя, не подходит анкета. Возьмите меня хотя бы в военное училище, я офицером быть хочу! Тоже нельзя. Я мог поступить только в театральный институт, там анкета была в одну бумажку: имя, национальность, год рождения.

— Как же вы сейчас живете, после нынешнего-то кризиса?

— Так же, как все. Зарплата съежилась раза в три, но ее хотя бы не задерживают. Ленком — хороший театр, у нас всегда полные залы... Но если самый дорогой билет стоит пятьдесят рублей, количество зрителей на доходах театра не сказывается. У нас есть спонсоры, Лужков хорошо относится к театру вообще и к Захарову лично... Но в труппе работают триста пятьдесят человек, и всех надо накормить. Это удается далеко не каждому театру, во многих актерам по ночам приходится разгружать вагоны. Триста рублей в нашем мире считаются неплохой зарплатой. В Ленкоме дела обстоят гораздо лучше, мы с женой можем себе позволить хорошо питаться. А вещи я купил давно, еще во время работы на Бронной. Во время зарубежных гастролей возил с собой консервы, суточные — двадцать пять долларов в день — откладывал. Скопишь двести пятьдесят долларов, и что-нибудь купишь; все это служит мне до сих пор.

— Вы что-нибудь репетируете?

— Я играю четырнадцать спектаклей. Ничего нового у меня нет.

— Можете быть, вы снимаетесь в кино?

— Я нигде не снимаюсь.

— Наверное, ваш лучший период пришелся на Малую Бронную...

— Лучше всего мне сейчас, у Захарова. Эфрос — гений, но человеческих отношений между нами не было. А Захарова я очень люблю — да и он мне, по-моему, доверяет.

— О чем вы жалеете, что вам не удалось?

— О том, что никого не сыграл в «На дне», не сыграл Фамусова в «Горе от ума», горюничего в «Ревизоре» (он стал бы у меня секретарем обкома). Я давно мечтаю о лермонтовском Арбенине... А вот о том, что мне не удалось стать дипломатом или журналистом, я больше не жалею. Недавно узнал, что Демидова хочет расстаться с театром и посвятить себя живописи. Значит, она никогда не любила сцену. Мне семьдесят, я играю четырнадцать спектаклей в месяц, у меня четыре большие роли, как я себя при этом чувствую, никого не волнует, но я не оставлю труппу. Театр жесток, но я без него не могу. Болезнь, плохая погода, хамский и равнодушный зритель — все равно я должен нести этот замечательный, любимый, сладкий крест.

Алексей ФИЛИППОВ